

дней» «и молодости честные порывы, и опыта обдуманый расчет»? И не настало ли то «непременное время», когда, «насмешливо и нагло выждав» своего часа, к человеку, поэту, труженику приходит *Пошлость* — беспощадно удостоверит, что и он наконец стал одним из тех, «каких много», кто стадом «ходит по земли, не видя неба ввек»?! Тут есть от чего содрогнуться! Жажда пробиться «любой ценой» обернулась для Некрасова еще и несомненным *обманом* — не столько других людей, сколько собственных упований, идеальных устремлений, поэтического дара. А вся его жизнь стала как будто лишь сверхдорогой «залоговой ценой» неисполнимых обещаний.

Впрочем, осознание и этих аспектов «обманутости» Некрасова — человека и поэта — есть лишь констатация проблемы, но еще не вскрытие ее сущности. Антитезы «нравственно состоятельное / пошрое» или «халтура / высокое искусство» и даже «приобретательство / творчество», по-видимому, слишком спрямляют глубинный характер внутренних терзаний нашего поэта. В глазах Некрасова, пережившего угрозу ежедневной возможности умереть от «банального» отсутствия пищи, одежды или ночлега, сама возможность *оставаться в живых* стала одной из *абсолютных* человеческих ценностей.⁴⁸ Так же как и труд — основа любого довольства и материальной обеспеченности.⁴⁹ Поэтому и не совестился поэт ни своих редакторских заработков и доходов от издания своих и чужих сочинений, даже от карточных удач и счастливых охот, ни производимых им на личные нужды трат. Все это было достойно заработано и оплачено его умением, умом, талантом, силой характера.⁵⁰

В том-то, однако, все и дело, что столь же несомненной была для Некрасова и другая, находящаяся в кричащем противоречии с первой, ценность социального, нравственного, духовного, эстетического идеала. Еще в 1840 году убежденно приняв брошенный ему жизнью вызов, Некрасов тем не менее на протяжении всей своей жизни мучительно переживал свое раннее «отречение» от высоких романтических идеалов:

Грустно... совсем в суете утонул я,
Бедному *сердцу простора* я не дал...
Тяжко... за что *сам себя обманул я...*
Сам себя мрачным *терзаниям* предал?

«...Отчего такая *пустота* в моей душе?... Отчего я так *холодно* встречаю и успех и неуспех?... Оттого, отвечаю я сам себе, что все это мне кажется *мелким, ничтожным...* А стремясь за ним, я вмешался в пеструю толпу людей, у которых *не моя цель*. Я увлекся *общим потоком* и *не отстаю от других*, хлопочу, *торгуюсь* на рынке света...»⁵¹

Тем самым уже в начале своего пути, еще эмоциональной «ощупью», Некрасов пришел к непростому сущностному различению двух «идеализ-

⁴⁸ Совершенно очевидно, что позднейшее онтологическое (с большой буквы!) понимание Некрасовым житейского «довольства» в генезисе имеет именно этот испытанный и метафизически пережитый им в ранней юности ужас близкой смерти. Ср.: «В мире есть царь, этот царь беспощаден — Голод названье ему!»; «Сквозь бездны темные Насилия и Зла, Труда и Голода она (Муза. — Н. П.) меня вела».

⁴⁹ См. у Некрасова: «Где же ты, тайна довольства народного?»; «Кому вольготно, весело живется на Руси?»; «Надо, чтоб были здоровы Овцы и лошади их, Надо, чтоб были коровы Толще московских купчих»; «Сыты там кони-то, сыты, Каждый там сыто живет»; «Высокорослы, красивы Жители, бодры всегда». Ср. также, в связи с поэмой «Мороз, Красный нос», наблюдения М. Н. Зубкова в его статье «Поэтика труда, поэтика прекрасного» (в кн.: Карабиха: историко-литературный сб. Ярославль, 1991. Вып. 1).

⁵⁰ Ср.: Пайков Н. Корни и ветви. С. 575—576.

⁵¹ ПСС. Т. 14. Кн. 1. С. 29.